

Ирина Анатольевна Колиева,
аспирант кафедры философии и социологии
Днепропетровского национального университета
им. академика В. Лазаряна

СУБЪЕКТ И СУБЪЕКТИВАЦИЯ В ПОСТМОДЕРНИСТКОМ ДИСКУРСЕ

В статье рассматриваются особенности интерпретации понятий субъекта и субъективации в западной постмодерной культурной ситуации, в их взаимодействии с философским дискурсом конца XX - начала XXI века.

Ключевые слова: субъект, субъективация, плюрализация, режимы объективации, идентичность, внешняя субъективация, внутренняя субъективация, нарратив.

Kolieva I. A. Subject and Subjectivation in postmodern discourse.

The article deals with the peculiarities of the interpretations of the subject and subjectivation concepts in the Western postmodern cultural situation, their interaction with the philosophic discourse of the XX – XXI centuries.

Key words: subject, subjectivation, pluralisation, objectivation regimes, identity, external subjectivation, internal subjectivation, narration.

Колієва І. А. Суб'єкт та суб'єктивация у постмодерністському дискурсі.

У статті розглядаються особливості інтерпретації понять суб'єкта та суб'єктивации у західній постмодерній ситуації, у їх взаємодії з філософським дискурсом кінця XX – початку XXI століття.

Ключові слова: суб'єкт, суб'єктивация, плюрализация, режими об'єктивации, ідентичність, зовнішня суб'єктивация, внутрішня суб'єктивация, нарратив.

Новая «постмодернистская культура», столь широко обсуждаемая на Западе в конце XX в., выдвинула некоторые сферы проблематизации, которые и в начале XXI в. продолжают расширяться. Ученые продолжают обсуждать изменения в поведении людей и то, что эти изменения означают, когда они выходят за пределы «эластичной» идентичности; ученые дискутируют об изменяемых измерениях субъективации, об «измененных и изменяемых измерениях человеческого существа» [1, с. 4]. Исследователи подчеркивают: одним из самых сложных аспектов подобных дискуссий является сам смысл плюрализации, занимающий беспрецедентное место в «условиях постмодерна», и именно это становится главным вопросом при рассмотрении специфических форм поведения индивидуумов. Отсюда, как отмечается, важность самих социальных условий и качеств субъективного опыта, плюрализма значений этого опыта, извлеченного из плюрализма голосов, перспектив и, что особенно важно, плюрализма и «индивидуации» человеческого опыта [2].

В начале XXI в. философская проблема субъективации стала активно разрабатываться и в украинской науке (А. Табачковский, А. Погоняйло, В. Палагута и др.), что, безусловно, связано с переходом от тоталитаризма к «более демократическим режимам (или к их симуляции), связанным в постсоветских условиях с субъективацией не через сознание/идеологию, ... а через желание» [3, с. 66].

Переход от традиционного понимания субъекта как целостной, детерминированной структуры к его определению как децентрированной, плюралистической, противоречивой сущности, т.е. переход от бинарного осмысления к осмыслению множественности, дал толчок к возникновению различных подходов и методов интерпретации и реинтерпретации понятия субъективации. Феминистский чувственный телесный опыт раскрывает еще одну грань в процессе определения сложного и множественного понятия субъективации (Э. Сиксу, Ю. Кристева, Л. Иригарэ, М. Виттиг). Однако в конце 90-х годов XX столетия возникает новый концептуальный вопрос,

вопрос об уместности функционирования не столько различных форм субъективации, сколько об уместности самого процесса как такового.

В современном научном дискурсе, испытывающим на себе влияние таких философских направлений постмодернизма, как постструктурализм, деконструкция, гендерные исследования и т.д. на первый план выходит проблема определения субъективации в целом. Основной составляющей данной проблемы, выделяемой многими современными философами (М. Фуко, Ж. Лакан, Ж. Деррида, Дж. Батлер и другие), является переосмысление общепринятого традиционного понимания субъекта как целостной и самотождественной структуры. Здесь следует упомянуть высказывание Мишеля Фуко о том, что «универсальной формы субъекта, которую можно найти повсюду, не существует» [4, с. 301]. По мнению Фуко, субъект, не являясь априорной формой существования разумного человека, есть результат осуществления различного рода «игр истин», т.е. практик подчинения и освобождения, практик власти, согласно терминологии самого философа [Ibid, с. 255]. Следовательно, можно предположить, что понятие «субъективация» в философии М. Фуко является тем механизмом, с помощью которого исследователь анализирует процесс формирования субъекта как существа социального. Фуко пишет далее: «Субъективацией я назову процесс, посредством которого мы получаем складывание субъекта, точнее говоря – субъективности, каковая, очевидно, служит лишь одной из заданных возможностей организации некоего самосознания» [Ibid, с. 284]. Отстаивая позицию неприятия априорной субъективности, последовательно критикуя трансцендентальные, т.е. заданные характеристики субъекта, Фуко предлагает взять в качестве основы для определения понятия субъективации идею историчности, позволяющей рассматривать вопрос об условиях и основаниях возникновения субъекта как такового. В этой связи следует особо подчеркнуть тот факт, что в выше обозначенной проблеме Фуко интересуют лишь те условия и предпосылки, при которых идет становление субъекта безумного, субъекта желающего, субъекта сексуального во всех его

конкретных проявлениях, а не становление субъекта в целом, субъекта как такового, субъекта универсального.

По мнению Фуко, субъект – это многоплановый, многогранный индивид, который одновременно может включать в себя несколько типов (так, например, проходя процесс формирования себя как политического субъекта, индивид может реализовываться и в качестве сексуального субъекта). Исключительная важность в этом процессе отводится «игре», т.е. установлению внутри индивида различных типов отношений, следовательно, различных форм субъекта, и взаимодействие этих форм с практиками («играми») власти. Большое значение работ Фуко в вопросе субъективации заключается в определении философом понятия субъективации как процесса формирования исторически определенной формы организации самосознания индивида, при этом субъективность отрицается как универсальная, априорная характеристика существования самого человека. Становление («складывание», по Фуко) субъективации – процесс сложный и поэтапный, состоящий из нескольких, так называемых режимов объективации в современной культуре. Под режимами объективации понимается преобразование индивидов в субъекты определенной культурной или научной ситуации. Фуко выделяет три основных режима объективации индивида в субъекта. Первым режимом является режим превращения индивида в объект научного знания (говорящий субъект в филологии, работающий субъект в экономике, живой субъект в биологии). Вторым режимом объективации Фуко называет «разделяющими практиками», суть которых заключается в разделении субъекта как внутри себя, так и с помощью Других, где сам процесс такого разделения и способствует преобразованию субъекта в объект (например, разделение человека на больного и здорового, на преступника и человека, соблюдающего законы). Эти два режима объективации, согласно Фуко, составляют внешнюю сторону субъективации, цель которой состоит в формировании субъекта в качестве сложного, неоднородного, многофункционального, множественного образования

(например, субъект-преступник как множественный субъект является одновременно и субъектом преступления, и субъектом преследования, и субъектом задержания, и субъектом вины, и субъектом осуждения, и т.д.) [5, с. 70]. Таким образом, множественность субъекта определяется множественностью «разделяющих практик» как характерной черты многогранности самого процесса субъективации.

И, наконец, третьим режимом объективации выступает «самообъективация», т.е. «способ, каким человек научился распознавать себя в качестве субъекта сексуальности [4, с. 161-162]. Данный режим определяется Фуко как внутренняя сторона субъективации, основной задачей которой является координация внутренних потребностей, интересов, желаний индивида со сложившейся на данный момент социально-исторической ситуацией при помощи неких волевых, моральных, интеллектуальных и физических усилий самого человека. Таким образом, согласно Фуко, процесс субъективации тесно взаимосвязан с процессом объективации, оба эти процессы переходят друг в друга, трансформируя субъект в объект согласно заданным взаимоотношениям с «играми истин» (практиками власти), что, в свою очередь, дает возможность проанализировать механизм формирования субъективации как таковой, акцентируя внимание прежде всего на социальных процессах ее становления.

Следует отметить, что процессам внутренней субъективации философом уделяется более пристальное внимание, поскольку именно в них субъект выступает активным началом, тогда как в процессах внешней субъективации роль субъекта заключается только в реализации множественных практик власти.

Для Фуко важно не столько реконструировать историю сексуальных практик, не столько предоставить детальный анализ научных, религиозных или философских идей, через которые сексуальные практики репрезентируют себя, сколько отойти от понятия сексуальности как такового и проанализировать практическое и теоретическое наполнение понятия

сексуальности. Фуко ставит перед собой задачу проследить процесс конструирования «сексуального опыта, внутри которого индивиды должны были признавать себя в качестве субъектов «сексуальности», которая открывается самым разным областям знания и которая сочленяется с системой правил и принуждений» [6, с. 271]. Здесь следует отметить, что под опытом философ понимает присущее рассматриваемой культуре взаимодействие между определенными областями знаний, типами нормативности и формами субъективности. Фуко отказывается от положения о том, что исторически особые формы сексуальности являются результатом воздействия механизмов подавления, функционирующих на тот момент в обществе. Философом предлагается инструментарий, позволяющий оперировать основными составляющими сексуальности: во-первых, система знаний в сфере сексуальности, во-вторых, системы власти, регулирующие сексуальную практику, в-третьих, определенные формы, в которых индивиды признают себя в качестве субъектов сексуальности. Основной задачей, которую ставит перед собой философ, является «понимание того, как современный индивид мог получать опыт самого себя как субъекта «сексуальности» через признание себя как субъекта желания, что, в свою очередь, требует определения форм и модальности отношения к себе, с помощью которых он констатирует и признает себя в качестве субъекта. В своей знаменитой работе «История сексуальности» Фуко, рассматривая сексуальность, начиная с античности и заканчивая современной эпохой, на первый план ставит возникновение моральной проблематизации вопроса. Фуко интересуется, каким образом и в какой форме сексуальная деятельность была принята в качестве моральной области, поскольку, этическая сторона сексуального поведения субъекта не всегда связана с системой запретов и обязательств, принятых в обществе. В связи с поставленной проблемой, философ вводит термин «искусства существования» или «техники себя», под которым следует понимать произвольные и рефлексивные практики, при помощи которых индивиды устанавливают для себя правила поведения,

степень своего самоизменения, определяют эстетические и моральные ценности. Таким образом, можно сделать вывод о том, что изучение проблематизации сексуального поведения субъекта есть изучение истории «техник себя» в конкретно взятой рассматриваемой эпохе. Говоря о формах морали в процессе становления субъекта, Фуко отмечает четко выраженную асимметрию в определении сексуального поведения для мужчин и женщин.

Для Фуко сексуальное удовольствие – это этическая субстанция, сила, которую субъекту необходимо подчинить самому себе с учетом эстетических и моральных норм существования общества. Вместе с тем, выше обозначенный процесс подчинения должен соотноситься с универсальными принципами природы и разума, с культурой себя, с умением индивида властвовать над собой.

Таким образом, даже при поверхностном анализе процессов становления субъективации у знаменитого постмодерниста можно отметить двойственность значений терминов «субъект» и «субъективация». С одной стороны, субъективация рассматривается философом как формирование свободного и ответственного субъекта, поступки которого детерминированы собственным разумом, моральными ценностями индивида (процессы внутренней субъективации). С другой стороны, формирование субъекта обусловлено внешними множественными социальными факторами (процессы внешней субъективации).

Столь пристальное внимание к проблемам сексуальности у Фуко сделали его работы классикой для многих постмодерных философов-феминистов и, прежде всего, Ю. Кристевой. Эволюция постструктурализма в лице Ю. Кристевой, ее концепция «говорящего субъекта» стали очень важными для многих последующих исследователей. Т. Мои, например, пишет, что всегда существует «кто-то», кто говорит, действует, думает, пишет. Этого «кого-то» не нужно изображать как полностью присутствующую, непротиворечивую интенциональность. Мои утверждает, что субъект расколот, децентрирован, хрупок и находится под угрозой распада. В то же время этот раздвоенный

субъект обладает способностью действовать и принимать решения. Но его выбор действия, однако, всегда предопределен и находится под глубоким влиянием как бессознательной идеологической зависимости, так и осознанной мотивации [7, с. 57].

Как представляется, это не означает, что не существует «сильных субъектов». Но, возвращаясь к нашей стране, нельзя не согласиться с И. Жеребкиной, что существует «парадокс нового постсоветского производства субъективности: биовласть, в трактовке Фуко обычно производящая коллективное тело биомассы, парадоксальным образом в постсоветских практиках риторики демократизации производит, наконец, не коллективную, но партикулярную субъективность» [3, с. 67]. Коллективная субъективность сейчас переживается нами скорее как «частичная» субъективность, где опыт субъектов почти сразу же становится причиной осознания различия с другими субъектами. Современный социальный «ландшафт» обусловлен субъектами с разнообразными нарративами самоутверждения и самосохранения. Проблема в том, что эти нарративы повествуются все более децентрализованным «Я», представляющим собой нечто большее, чем сумма его социальных ролей. В результате нарастающие постмодерные изменения продолжают влиять на процессы субъективации (как внутренней, так и внешней) все интенсивнее и острее.

ЛИТЕРАТУРА

1. Simon W. Postmodern Sexualities. – London and New York: Routledge, 1996. – 179p.
2. Riesman D. The Lonely Crowd: A Study of the Changing American Character. – New Haven, Conn: Yale Univ. Press, 1995. – 412p.
3. Жеребкина И. Гендерные 90е, или Фаллоса не существует. – СПб.: Алетейя, 2003. – 253с.
4. Фуко М. Интеллектуалы и власть: Избранные политические статьи, выступления и интервью. – М.: Праксис, 2002. - 384с.
5. Фуко М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы. М.: Ad Marginem, 1999. – 376с.
6. Фуко М. История сексуальности-II: Использование удовольствий. – Киев: Дух и литера; Грунт; М.: Рефл-бук, 1998. – 396с.
7. Moi T. Sexual/Textual Politics. – London and New York: Routledge, 1987. – 221p.